

Часть первая

СТРАХ

Глава 1 СКУЛЕЖ

Дрожа, клацая зубами, обхватив согнутые колени, я освободил на секунду левую руку и подтянул к себе задрезжавший пакет с мусором. Подтянул бережно. Пакет важен — ведь он был со мной, когда все это началось.

Пакет с мусором был со мной, когда началась эта безумная история, закончившаяся здесь — в ледяном мокром мраке, переполняющем меня ужасом...

А это мысль — вспомнить все с самого начала. Проследить цепочку событий. Главное, отбросить сейчас всякую потустороннюю чушь и мыслить здраво. Это мое единственное спасение.

Голова болит. Во рту сухо. Вспоминать тяжело, похмелье долбит в виски раскаленными молотками, к горлу подкатывает тошнота. Думать не хочется. Но вспомнить надо. Там особо и вспоминать нечего.

Весь этот бред начался часов семь назад...

И начался он как один из обычных моих вечеров.

Я человек в меру успешный. В свое время поднялся с низов. И низы — это когда в холодильнике ничего, кроме хлеба и луковицы репчатого лука, в гардеробе затасканные штопаные джинсы, застиранные футболки сероватого цвета, а в ванной брусок хозяйственного мыла выступает сразу во многих ипостасях — стиральный порошок, мыло для тела, шампунь и гель для бритья. Зато жить было интересно. Интересно было рваться, выкладываться по полной программе, стремиться изо всех сил вверх, к сверкающему богатому будущему.

Своего я добился.

Стал обеспеченным в тридцать пять. Имею стабильный пассивный доход. Мне больше ничего не надо делать. А учитывая достаточно скромные запросы, по сию пору мои расходы меньше доходов. Так что я понемногу богатею каждый день.

И жить стало неинтересно.

Женщины? Имеются такие в моей жизни. Скучающие красотки средних лет, не хотящие обременительных долгих отношений. Я их желание полностью разделяю.

Путешествия? Много где побывал. Есть еще непосещенные страны. Но я быстро понял, что если ехать — то ехать дикарем, а не в качестве гостя дорогого отеля. Иначе ничего не увидишь — одна-две экскурсии с болтливым гидом не в счет.

Хобби? Есть. Собираю марки и редкие книги. Поначалу весьма увлекся этим делом. А потом понял, что это просто еще одно вложение денег в надежную сферу. Интерес угас.

И я стал пить.

Пить дома и в барах.

Немного.

Сидя дома, мог уговорить пол-литровую бутылку водки за просмотр старых фильмов с Челентано и Бельмондо.

Сидя в баре, выпивал чуть больше.

Так проходил день за днем. Я медленно стал замечать, что в моей жизни все меньше женщин, спорта и книг, зато все больше алкоголя. Но мне было все равно. Жизнь удалась. Мне не требовалось думать о завтрашнем дне.

В тот день я проснулся поздно даже по моим неторопливым меркам — к пяти вечера. Неохотно встал. Немного привел себя в порядок. Сгрел в мешок весь мусор со столика. Еда, остатки алкоголя, запивон. Одежда, прихватил немного наличных. И вышел из квартиры. От подъезда к мусорке направо. А я почему-то свернул налево и, пройдя один или два дома, заскочил в хорошо знакомое мне питейное заведение «У Тохи». Сам Тоха — Антон Палыч, но не Чехов, мужик под пятьдесят, всегда серьезный и спокойный, был за барной стойкой. Туда я и сел. А мешок с мусором опустил под ноги. Антон дернул бровью, но промолчал. Просто налил мне водки, поставил рядом апельсиновый сок и миску с соленым арахисом. Люблю я этот странный микс... глоток водки, глоток сока, горсть орешков... Иногда просто смешивал водку с соком и потягивал сладкое пойло.

Вечер тянулся как всегда. Я глядел в телевизор, потихоньку накачивался водкой. Где-то к полуночи засобирался домой, с удивлением осознав, что весь вечер провел в компании с мешком мусора. Я потянулся за деньгами. И тут ко мне подсел он...

Кто он?

Обыкновенный мужичонка. Небритый. Со скверной бюджетной прической. Одежда старая, но чистая. Лицо неприметное. Глаза вроде зеленые. Я уже был пьян.

И ведь я собирался уходить... но мужичок подозвал Антона и заказал практически то же, что и я. Только вместо апельсинового сока он выбрал натуральный клюквенный морс. Я вдруг захотел попробовать на вкус водку с клюквой. Столько лет потребляю различные коктейли, а вот с клюквой водку еще ни разу не пил. И я попросил мне того же. Мужичок глянул на меня. Я ответил взглядом на взгляд. И мы разговорились...

Через полчаса мы успели выпить клюквенные коктейли и обсудить всякую ерунду. Футбол, политика, погода, дороги, женщины. Стандартный набор барных тем. Ничего серьезного. Словесная жвачка, убивающая время и придающая видимость смысла пьяному разговору.

А затем разговор вдруг свернул на другие темы. Мы заговорили о жизни. Об интересе жить. И я, закусив вдруг удила, с удивительной откровенностью признался, что давно потерял интерес к жизни. Нет-нет, я не самоубийца, жить буду и дальше, вот только серо как-то все вокруг. Ничего, никого и никуда не хочется. День пролетает за днем.

Но ведь я хочу! Хочу жить! Вот только не так — не в праздном спокойствии многого добившегося человека.

Я хочу рваться! Хочу биться! Я... хочу выживать! Хочу вернуть те старые деньки, когда приходилось прогрызать себе дорогу, пробивать ее кулаками, отпихивать и расталкивать локтями соседей.

В те дни любая моя ошибка, любая слабость, любое потакание себе могли мне дорогого стоить. И я держался. Ограничивал. Бился. Старался. И вот добился... и жить стало скучно.

Вернуть бы те деньки!

Но как?

Начать все сначала? Раздать имущество и деньги неимущим, уехать в другой конец необъятной страны и там начать все с чи-

стого листа? Признаюсь — думал об этом безумии. Но ведь это глупо... и это все равно не то. Потому что сумею опять же встать с колен, сумею опять заработать денег. Ведь свой опыт и знания я здесь не оставляю — увезу с собой, и там они быстро помогут мне. Я всегда старался быть универсальным. И у меня получилось. А когда получилось... мои умения парадоксальным образом стали балластом. Ненужным мне залогом успешности.

Да.

Такой вот я странный.

Другие люди жили рвут, чтобы добиться успеха и финансовой стабильности. Те, кто добился, — живут припеваючи, наслаждаются жизнью и боятся лишь одного — возвращения плохих деньков.

Я же мечтаю о тех днях, когда из всех разносолов у меня был только лук, растительное масло и соль. Ну, может, еще драгоценная пачка дешевой лапши, сберегаемая на конец недели.

Не знаю, почему меня потянуло на такую откровенность. Но я выложил все, что бурлило, кипело или просто гнездились где-то глубоко-глубоко в моей душе. Выложил все как на духу. С предельной откровенностью.

Само собой, я ожидал удивления на лице собеседника. Еще бы! Богатый мужик средних лет и с неплохой фигурой плачется о том, как ему плохо оттого, что у него все хорошо. Он либо зажрался, либо потерял связь с реальностью, либо просто потихоньку спивается и вот-вот скатится на дно, после чего получит то, что хотел, — нищету.

Но нет.

Меня внимательно выслушали. С пониманием покивали. Согласились с тем, что мужик должен оставаться мужиком. Должен каждый день рвать жилы ради достижения некоей далекой и крайне трудной цели. Каждый день! Что очень плохо, если цели больше нет. Очень плохо, когда один сытый день сменяется другим сытым и пустым днем.

Я не ожидал такой реакции. Более того — это было не поддакивание. Всем своим нажитым внутренним чутьем я ощущал — мужичок говорил правду. Он действительно разделял мою точку зрения.

Чего я не ожидал еще больше, так это более чем странного вопроса.

Вопрос прозвучал буднично, произнесен был обычным невыразительным тоном.

И звучал примерно так: «Появись шанс оказаться в очень трудной ситуации, где придется приложить немало сил для того, чтобы остаться в живых... я бы согласился?»

По въевшейся привычке взяв паузу в несколько секунд, я покал во рту клюквенный сок, сдобренный водкой, и кивнул.

Да. Согласился бы.

«Даже зная, что возврата назад не будет? Зная, что не смогу вернуться назад к прежней сытой жизни?»

Еще одна короткая пауза. И еще один кивок.

Да. Согласился бы. При условии, что тамошняя жизненная ситуация действительно окажется необычной.

Мужичок заулыбался, мы стукнулись бокалами. А затем он глянул на дешевые наручные часы и заспешил. Ему пора. Уже опаздывает. Но он очень рад нашему знакомству. Очень рад. Мы обменялись рукопожатием — я удивленно отметил его неожиданно крепкую хватку. Пальцы жесткие, можно сказать, стальные. Чувствуется — стоит ему захотеть, и он сомнет мою кисть небрежным усилием. А ведь я тоже парень не из слабых...

Мужичок ушел.

Оставшись в одиночестве, я заказал еще немного водки. Выпил. Запил клюквенным соком. Расплатился по счету. И, попрощавшись с Антоном, пошел на выход, не забыв прихватить мешок с брякающим мусором.

Под мелодичный звон колокольчика за мной закрылась дверь.

Кто-то толкнул меня в спину. Мягко, но сильно. Оборачиваясь, я невольно сделал два шага вперед. Чтобы удержать равновесие и не рухнуть на асфальт. Сзади стоял тот самый улыбающийся мужичок. Он поднял руку в прощальном жесте и сказал:

— Постарайся выжить. И помни — выбор за тобой.

Сказать что-то в ответ или просто выругаться, обматерить за глупую шутку я не успел. Меня накрыло серым холодом. Именно так — серым холодом. Перед глазами разлилась серая туманная мгла, что обожгла кожу зимним холодом. Короткое ощущение падения. Легкая паника. И подошвы вновь утыкаются в твердую поверхность. Стою. А вокруг чернота...

Через миг меня скручивает рвотная судорога. Падаю. Колени с плеском уходят в ледяную воду. Меня выгибает. Рвота рвется из горла фонтаном. Меня корежит. Трясет. А затем в мозгу взрывается белая вспышка... и сознание милосердно покидает меня...

Очнувшись, я засмеялся.

Не каждый день напиваешься настолько сильно, что вырубаться в наполненной холодной водой ванне, а подсознание подкидывает столь пугающие сновидения. Почти наверняка жестокая простуда обеспечена. Надо завязывать с алкоголем. На губах вкус клюквы и рвоты. Ужасное сочетание. Вытянув руку, я попытался нащупать край ванны, чтобы ухватиться за него и подняться. Но пальцы нащупали пустоту. В следующий раз надо хотя бы свет в ванной включенным оставлять. Я вытянул другую руку — к другому бортику, где были установлены вентили. Глупо вылезать. Надо включить подачу горячей воды и хорошенько отогреться, попутно раздеваясь и бросая одежду на пол. Согревшись, выберусь, приму несколько таблеток «Алка-Зельцера», сделаю легкий коктейль, прихватчу планшет и вернусь в ванну еще на часик. Отмокну. Воды бы еще выпить литра полтора. И прямо сейчас. Губы пересохли от обезвоживания, распухший шершавый язык еле ворочается. Пока размышлял, рука слепо шарила в темноте. И не нащупал ни бортика ванны, ни вентиля, ни обложенной красным кафелем стены. У меня большая ванна. Но все же не настолько...

Упавшая ладонь плеснула в обжигающе холодную воду. Пальцы заскользили по твердой шероховатой поверхности. Щербинки, сколы, широкие трещины. Я лежу на бетоне... на старом потрескавшемся мокром бетоне. Такого пола в моей квартире нет. Я не дома... да у меня в гараже покрытие на полу в разы лучше, чем это убожество.

Первый раз плеснулась в душе паника.

Плеснулась. Затихла. И черным гейзером взорвалась у меня в мозгу.

Где я?!

Я рванулся. Начал вставать. Слепо взмахнул рукой в тщетной попытке зацепиться за воздух. Неожиданно рука ударилась о нечто куда более крепкое и жесткое. Что-то вроде трубы, в которую я мигом вцепился и потащил себя вверх. Со скрежетом труба пошла вниз. Я опять рухнул в лужу. До ушей доносится отчетливый щелчок. Через секунду труба ушла обратно вверх, утягивая меня с собой.

Спустя миг произошло сразу несколько событий.

Я оказался на ногах.

Послышалось далекое гудение. С двух сторон. Это я расслышал совершенно точно.

А затем крошечная темнота превратилась в багровый сумрак. Над моей головой зажглись две огненные щели, пахнуло теплом. Волна тепла ударила и по ногам — опять же с двух сторон. Тяжелое мрачное освещение вернуло мне зрение. И я увидел сначала одну, а затем и вторую стену. Коридор. Я стою в широком тускло освещенном коридоре. До другой стены метра три с небольшим. Может, это комната? Но я вижу только две стены слева и справа от себя. Позади темнота. Впереди темнота. Мне в спину и в лицо дышит сухое тепло. А ноги от ледяной воды уже онемели, сейчас сведет судорогой.

Заметив недалеко возвышение правильной формы, рванулся туда. Опять едва не упал. Вернулась тошнота. Пришлось пригнуться и чуть постоять. Пока стоял, внезапно погасли огненные щели, исчезли потоки теплого воздуха. Ладно... медленно поведя рукой, нащупал трубу, потянул с усилием вниз, запоздало поняв, что это не труба, а мощный металлический рычаг, торчащий из стены. Послышался щелчок. Зажегся багровый свет. Ударили волны тепла. Ногам по-прежнему очень холодно. Я дернул рычаг еще раз. Он даже не пошевелился. Вернулся в верхнюю точку и там заблокировался намертво.

Схватив пакет с мусором, добрался до возвышения и забрался на него. Подтянул ноги к груди. Ожесточенно принялся растирать щиколотки, почему-то боясь снять обувь, — будто за короткое время в ледяной воде ступни уже успели посинеть, побелеть и умереть. Боялся увидеть гангренозные пальцы и узор черных вен по белой коже.

И зачем мусор с собой прихватил? Ведь это мусор...

Ошеломленное сознание впало в ступор. Осознал, что слепо пялюсь на промокшие джинсы и вообще ни о чем не думаю. Сколько я так просидел? Пару минут?

Словно услышав мои мысли, освещение исчезло. Прекратилась подача теплого воздуха. И сразу стало холоднее. Заклацав зубами, я высвободил левую руку и подтянул к себе мешок с мусором.

Меня окружает ледяной черный ад.

Надо собраться с мыслями.

Надо прийти в себя. Прекратить совсем несвойственную мне истерику, откинуть ненужные сейчас эмоции.

Для этого надо сделать следующее — перестать сидеть и начать действовать.

Есть ли у меня проблемы?

Море!
Я в море проблем!
Чтобы не барахтаться, надо выбрать самые насущные и в первую очередь сконцентрироваться на решении именно их.
Что мне мешает?
Тут и думать нечего.
Меня жутко тревожило отсутствие света и тепла.
Тревожило собственное физическое состояние — меня начало трясти, и это не только мандраж. Это и переохлаждение.
Меня тревожил холод и ледяная вода.
И меня жутко тревожило то, что я не знаю, где нахожусь. Что это за место?
Мелькнул еще один вопрос — а реально ли все это?
Но вопрос мелькнул и тут же пропал — причем навсегда. Уж в этом я был уверен твердо. Уверен полностью — меня окружает реальность. Я не в коме. Я не в наркотической галлюцинации.
Это реальность.
А худшее, что может сделать любой настоящий мужик, — это попытаться отвергнуть реальность. Не получится. Реальность даже не заметит твоей попытки, а потом сделает тебе очень больно.
Проблемы... их решение...
Проблемы... их решение...
Соберись. И начинай действовать. Немедленно.
Чтобы было легче — сфокусируйся на том, что решить быстрее и проще всего.
Ощупав штанины, отжал их. Стажил обувь и носки. Выкрутил носки. Положил их на колено. Вытряхнул влагу из обуви. Протер ее изнутри носками. Отжал носки еще раз. Повторил процедуру с обувью. Вытянув руку, нащупал стену и подошвами вверх положил рядом с ней легкие туфли. Может, чуть просохнут. Потом надо не забыть перевернуть подошвами вниз, чтобы остаткам воды было легче испаряться. Отжав носки третий раз, протер ими задубевшие ноги. Принялся растирать голени, разминать их. Вскоре стало теплее — кровоснабжение восстановилось в полном объеме. Пошевелив зябнувшими пальцами ног, начал расстегивать рубашку.
Попутно пытался оценить температуру вокруг себя.
Если верить моим ощущениям — около нуля по Цельсию. Может, чуть-чуть ниже. Вряд ли выше. В воде был лед, это я отчетливо помню. Довольно толстые куски и пластины. Но была и вода. Причем

пресная — ее немало попало мне в рот. Затхлая, но пресная. Даже думать не хочется, сколько всякой гадости я проглотил вместе с водой.

Ноль по Цельсию. А я в мокрой легкой одежде. С пустым желудком. Просто отлично. Еще не хватало таблички над головой: «Желаю умереть от пневмонии в расцвете лет!».

Выжав рубашку, остался в джинсах и трусах. Их пока снимать не стал. Неизвестно, как обернется ситуация. Если сейчас сюда ворвутся журналисты с камерами или кто похуже, не хотелось бы предстать перед ними в чем мать родила.

С одеждой закончено.

Пора добавить чуть тепла. А значит, снова придется в темноте лезть в ледяную воду. Бедные мои ноги. Спускаясь с возвышения, ненадолго заколебался — не дай боже напорюсь босой пяткой на иззубренный кусок стекла. Мне только борьбы с обильным кровотечением не хватало в спартанских условиях. Плюс кровопотеря вызовет еще более скорое замерзание. Но страхи не могли решить моих проблем. Я опустил ступни в ледяную воду. Обожгло как кипятком. Я невольно застонал сквозь стиснутые зубы и заторопился вперед, выставив перед собой руки и шагая по памяти.

Раз шаг. Два. Три. Еще один маленький... рука натывается на рычаг. Я тяну его вниз.

Щелчок.

Я спешу обратно, не дожидаясь, пока посветлеет.

И тут же получил сокрушительный удар по мизинцу правой ноги. Вскрикнув, запрыгал на месте, поджав ушибленную ногу. В багровом свете вижу лежащую на полу гирю, о которую и ушибся. Солидная такая гиря. Не меньше пуда. Оценив ее местонахождение, решил убрать с пути между возвышением и рычагом. Схватив за ручку, тащу с собой и ставлю чуть в стороне. Взбираюсь на возвышение и выпрямляюсь во весь рост, держа над головой расправленную рубашку, подставляя ее под гудящие потоки теплого воздуха. Хорошо выжатая рубашка выгибается парусом то в одну, то в другую сторону, трепещет на встречных ветрах. Когда ее выгибает особенно сильно, часть воздуха отклоняется вниз, накрывая меня блаженным теплом.

Я безмолвно шевелю губами, высчитывая секунды, а затем и минуты.

Примерно через три минуты освещение потухло, потоки горячего воздуха иссякли.

Три минуты. Да они издеваются.

Пока вокруг меня был желтовато-багровый сумрак, а не крошечная темнота, удалось кое-что подметить. Если точнее — подметить удалось очень многое, но пока я привычно отсекаю ненужное. Нужно сфокусироваться.

Что я имею насчет света и тепла?

А то, что это полный беспредел — ради того чтобы получить немного тепла и света всего на три минуты, мне приходится лезть в ледяную воду, дергать за рычаг и еще возвращаться обратно. И путь туда мне приходится преодолевать в темноте. Мизинец на ноге саднит до сих пор — а ведь мог и сломать его о чертову гирию.

Процесс понятен. Просто и жестко. Хочешь тепла и света — дергай за рычаг раз в три минуты.

Процесс надо оптимизировать.

И благодаря ушибленному мизинцу, легкому ходу рычага и замеченной на стене удивительной вещи я, пожалуй, смогу немного облегчить себе жизнь.

Встав, нащупал стену и заскользил по ней осторожно ладонями. Пальцы миновали крохотные ниши, задев несколько мелких предметов. Они мне пока неинтересны. Я остановился, когда наткнулся на искомое — несколько витков тонкой веревки. Самая настоящая веревка, висящая на вбитом или вставленном между странных почти квадратных кирпичей деревянном кольшке. Да. Именно так. Обрывок средневековой на вид веревки, деревянный кольшек, стена из странных кирпичей.

Голова пухла, хотелось есть и разобраться хоть немного. Но в первую очередь мне нужны тепло и свет.

Оценив длину веревки, с сожалением принялся снимать с себя ремень — не хватает чуть-чуть.

Еще через несколько минут я без колебаний сполз в ледяную воду и, прихватив с собой гирию, пошлепал к противоположной стене загадочного коридора. Нашупал рычаг. Примерился. Установил почти под ним тяжелую пудовую гирию. Дернул за рычаг. Дождался багрового света. Привязал к концу рычага веревку. Пропустил другой конец веревки через дужку гири и, держа его в руке, заспешил обратно. Взобрался на возвышение — которое уже успел рассмотреть и понять, что оно сложено из тех же кирпичей и является либо слишком высоким топчаном, либо слишком широким столом. Хорошенько растер ноги, обтер их носками, которые опять отжал и повесил сушиться.

И принялся ждать.

Через минуту свет погас.

Я выждал секунду и с мягким усилием потянул веревку. Она не поддавалась. Дернул сильнее. Эффекта нет. Выругавшись, сполз со стола и в несколько шагов оказался у рычага. Нащупал. Потянул. Из темноты донесся щелчок.

Зажегся свет.

С гудением пришли потоки тепла.

Вернувшись, принялся сушить рубашку, стараясь держать ее так, чтобы немалая часть тепла шла к моему озябшему телу. Простоял долго — еще четыре раза тянул за рычаг. Через четверть часа почувствовал наконец, как расслабились застывшие мышцы. Дышать стало легче. Ушел озноб. В коридоре обозначилась граница тепла — стоило опустить руку ниже стола, и сразу ощущался плещущийся там зябкий холодок.

Итоги?

Одежда почти сухая. Я согрелся, и меня больше не трясет. Опасность простудных заболеваний никуда не делась, а у меня нет лекарств. У меня нет теплой одежды. Благодаря рычагу я смогу поддерживать у потолка и над столом приемлемую температуру. Но я должен дергать за рычаг каждые три минуты. Пока все норм. Но я не машина. И мне нужен сон. Засыпать и просыпаться через каждые три минуты, чтобы дернуть за веревку, я не смогу.

Может, меня отсюда заберут раньше?

Кто заберет?

И нет — не заберут. Опять это странное внутреннее чувство, что я встрял сюда надолго.

Куда сюда? Не знаю. Но делаю все возможное, чтобы расширить свои познания о месте вокруг меня, не покидая при этом теплого кирпичного стола.

Как ни крути, но я вижу коридор. Очень широкий коридор. Почти напротив стола, на котором сижу, находится небольшая ниша с рычагом. В этой нише я очнулся. В этой же нише до сих пор колеблются на почти успокоившейся воде остатки моей рвоты. Багровое освещение огненных щелей выхватывает из темноты примерно шагов десять пространства. Вон до того участка стены вижу, а дальше нет... все вокруг темнеет, и я снова дергаю за рычаг.

Свет возвращается. Я удивленно замираю — он уже не настолько багровый и тусклый. Определенно стал ярче и ровнее, оттенок сменился к желтоватому. Почему? Я просто дернул за рычаг — как и до

этого. А тепло? Вскочив, я поднял руку... и удивленно хмыкнул — воздушные потоки определенно стали чуточку сильнее.

Событие меня так удивило, что я просидел неподвижным истуканом следующие три минуты. И был еще раз удивлен — спустя три минуты свет не исчез, потоки тепла продолжали сталкиваться под потолком и рассеиваться в стылom коридоре.

Четвертая минута подошла к концу...

Свет не исчез.

Пятая отсчитала секунды...

Свет и тепло все еще здесь.

Шестая...

И темнота явилась.

Я мягко потянул за рукоять. Щелчок. Свет вернулся. Такой же, как в прошлый раз — более яркий и не настолько мрачный. Столь же усилившиеся потоки воздуха щедро расточали тепло. По кирпичной стене медленно сползал исчезающий иней — выше он давно пропал. Да и с потолка порой срывалось несколько обжигающе холодных капель, шлепающихся мне на голову и плечи.

Так что же получается?

Я дернул за рычаг около пятнадцати раз. И получил прибавку в свете и тепле. Плюс вместо трех минут отопление и освещение работают целых шесть. Увеличение на сто процентов по длительности и процентов на двадцать в силе.

А если я дерну за рычаг еще пятнадцать раз — то получу ли очередной бонус?

Я проверю. Обязательно проверю. По разу в шесть минут... это девяносто минут. Вполне мне по силам. Тем более особо заняться и нечем.

Я задумчиво потер ладонь о ладонь и грустно засмеялся — почувствовал себя умной лабораторной крысой, помещенной в особые условия и подвергнутой эксперименту. Дернула крыса за рычаг — и вот тебе кусочек сыра.

Кстати, о сыре — что с едой?

И питьем?

Этими вопросами займусь чуть позже. Пока надо продолжить осмотр коридора. И пока что оставаясь на месте.

Освещение...

Поплепав пересохшими губами, поморщился и решительно подтянул к себе пакет с мусором. Короткая небрежная ревизия дала

мне почти пустую полулитровую бутылку с водой и едва початую упаковку апельсинового сока. Глотнув сока, допил воду, смывая приторную сладость с языка. Взглянул на огненные щели наверху.

Это не щели по сути. Просто выглядят так. Да и освещение едва заметно трепещет — отсюда ощущение того, что там полыхает огонь. Это вырезанные в стене длинные узкие проемы, забранные стеклом. Светильники крайне странные — как и все вокруг меня.

Свет моргнул и угас.

Я потянул за рычаг. Щелчок и вернувшийся свет дали понять, что на следующие шесть минут все в порядке. А какой интервал, интересно? Я дергаю за рычаг сразу же, едва только свет гаснет. А если дерну через минут пять? Исчезнет ли бонус? Сократится ли период света и тепла до стартовых трех минут?

А это что?

Подавшись вперед, сидя на краю облюбованного каменного стола, взгляделся в границу между светом и тьмой. Там в стене темнело пятно правильной квадратной формы. Что это?

От меня пятно шагах в десяти. Всего десять шагов. Но пол залит ледяной водой. И мне категорически не хочется мочить ноги. Я только-только отогрелся. Но уже чувствую влажность в носу и першение в горле. И это крайне неприятные для меня признаки. Если свалюсь с жесточайшей простудой и без медикаментов, да еще здесь, в этом аду... я просто умру.

Апельсиновый сок. Я сделал еще два глотка. Отставил упаковку. С бренчанием порылся в перепачканном пакете мусора. Отыскал недоеденные кукурузные чипсы. Высококалорийная пустая еда. Раньше я позволял себе пачку чипсов в неделю. В воскресенье — мой обычный наградной день, когда я сам себе торжественно вручал различные поощрительные бонусы за ударно прошедшую неделю. Сейчас же чипсы я себе позволяю куда чаще. И уже не читаю, сколько там калорий указано на упаковке.

Чипсы доел. Выбрал из пакета крошки. Отправил в рот. Мне нужно быть здоровым. А значит, нельзя допускать голода. Сытый человек куда лучше борется с подступающей болезнью. Что еще в пакете?

Недоеденный кусок колбасы. Дешевая. «Краковская». Половина кольца. Ее в сторону. А вот рыбешек из банки со шпротами я подъял тут же. Пальцем выскреб все до кусочка. Собрал каждую капельку пахучего масла. Сколько калорий я получил? Для легкого перекуса достаточно. Колбаса осталась на потом. Из съестного в пакете с му-

сором больше ничего. Там остались три пустые водочные бутылки. Стоп. Одна пуста только на треть. Внутри граммов триста водочки плещется. Рука сама потянулась к пробке. Нет. Отдернул руку. Отставил бутылку к упаковке с соком. Да, у меня похмелье. Да, мне страшно. Но я не буду пить. Нужна трезвая голова. К тому же водка может пригодиться на куда более важные дела — к примеру, для дезинфекции раны, если я на самом деле пропору себе босую ногу стеклом. С хлюпаньем допил остатки энергетика из трех баночек. Опустевшую тару убрал на край каменного стола. Ближе к ногам. Но выкидывать не стал. Остался большой мусорный пакет. Пустой и целый. Его пока что аккуратно сложил и убрал в карман джинсов.

Карманы...

Вывернув, устроил инвентаризацию. Но ничего не ожидая от ее результатов. Я не ношу в карманах ничего такого, что бы могло пригодиться в подобном месте.

Хотя...

Пять таблеток «Алка-Зельцера». В их составе аспирин. Уже какое-никакое лекарство.

Две таблетки «Антиполицая». Что в их составе, не знаю. Но за лекарства их лучше не считать.

Несколько тысяч рублей купюрами. Полтысячи железом.

Сотовый телефон. Промокший и мертвый. Не знаю, сколько я провалялся в той луже, но телефону хватило.

Потянув за рычаг, вернул свет и тепло на следующие шесть минут. И вскрыл телефон. Продул. Вытер полой просохшей рубашки каждую часть. Разложил их рядом между раздвинутыми упаковкой сока и бутылкой водки. Сверху сделал навес из частично развернутого мусорного пакета — чтобы не капало с потолка. Не верю, что телефон оживет. Но главное — попробовать.

Початая упаковка конфет «Меллер». Промокли, конечно. Частично размякли и расплылись. И плевать — в них много энергии. К колбасе их.

Одна запонка. С моими инициалами — Л. К. Где вторая запонка, не знаю.

Ключи от квартиры и машины. Там же от гаража. Пара брелоков. Банковская карточка.

Листки с расплывшимися телефонными номерами. На одном листке отчетливый отпечаток губной помады.

Полностью размокший бумажный мусор.